

КОММУНИКАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е.Н. ЛАГУНОВА

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
ул. П. Бровки, 6, г. Минск, 220013, Республика Беларусь
lagunova.e.n@mail.ru*

Социально-гуманитарное знание, интенцией которого является критика и рефлексия над феноменами культуры, общества, природы, совсем не чуждо решению практических задач. В частности, исследование механизмов социальных изменений актуально в современной социальной теории и связано с понятием коммуникации, являющейся не только средством социального взаимодействия, но и основой общественных трансформаций.

Ключевые слова: социальная теория, коммуникация, рациональность, intersубъективность, ирония, солидарность.

Согласимся с тем, что условием и целью социальной модернизации выступает демократизация общества. Однако современный либерализм – «победившая» тактика и стратегия социокультурного развития – парадоксален: декларируя свободу личности, он тут же устанавливает «разумные пределы», подменяя универсализм творчества человека в формализм возможности творчества по социальному (и, прежде всего, политическому) заказу. В данном случае принципиальный диалогизм личностного бытия трансформируется в монологизм цивилизационного, лишь на поверхности кажущегося демократичным. Разрешение этого иронического парадокса необходимо, в том числе, и на теоретическом уровне.

Говоря о социальной теории сегодня, мы должны принимать во внимание следующие соображения. Если она возможна, то только в качестве принципиально фальсифицируемой, что позволит избежать ее абсолютизации и даст адекватный выход в реальную социальную практику. Если она необходима, то для того, чтобы обосновать идеалы демократического общества. Кроме того, современная социальная теория уже ангажирована многомерностью и переходностью цивилизации, и, следовательно, может выступать технологией модернизационной трансформации.

На наш взгляд, этим требованиям удовлетворяют концепции Юргена Хабермаса и Ричарда Рорти. Несмотря на различие позиций и взаимную критику их горизонты понимания пересекаются, что является условием продуктивной коммуникации между ними.

Юрген Хабермас, выступая критиком классической рациональности, все же считает, что рациональное устройство общества возможно, если не абсолютизировать инструментализм разума, который дает нам опыт вмешательства во внешний мир и власть над последним, а актуализировать коммуникативную сторону разума, ведущую к подлинной солидарности. Основой коммуникации, обеспечивающей возможность взаимопонимания, выступают intersубъективные структуры социального познания и действия, предполагающие общезначимость опыта деятелей. Коммуникация не сводится только к передаче информации, но является трансляцией социальных значений, обменом смыслами в поле intersубъективности. Кроме того, посредством коммуникации может осуществляться социальное влияние и управление. Последнее носит двусторонний характер, обеспечивая адекватное взаимодействие и понимание между двумя со-

циальными деятелями. Условием интересубъективности выступают универсалии, которые имеют процедурный, а не онтологический статус. Как ни парадоксально, универсалии ситуативны и историчны, что дает нам возможность рассматривать коммуникацию как языковую игру. Это, в свою очередь, предполагает множественность картин мира и его открытость для всевозможных интерпретаций. Пересечение картин мира и понимание между людьми возможно, поскольку, по мнению Хабермаса, поиск консенсуса и свободная от господства коммуникация – основа общественной жизни человека.

Ричард Рорти предлагает иную модель культуры и общества, которая наиболее адекватна самообразу человека как творческого существа, а именно либеральную утопию, являющуюся, по сути, поэтической культурой. О такой культуре говорят со времен Романтизма: романтики попытались в своих теоретических построениях и практических действиях эстетизировать мир, воспринимать и организовывать его как художественное произведение. Если для новоевропейской традиции средоточием мысли выступал человек познающий, способный, в силу присущего ему "естественного света разума", понимать и обустраивать действительность, то для Романтизма – это, прежде всего человек переживающий и чувствующий.

Основную роль в построении поэтизированной культуры Рорти отводит ироникам. Ироник не предполагает «естественный» порядок вещей и событий, а скорее утверждает историчность любых социальных практик. Ироник, в отличие от метафизика, понимает ограниченность и конечность собственного словаря, что позволяет ему свободно обращаться с другими словарями, бесконечно продуцируя смысл и символический контекст. Здесь позиции Рорти и Хабермаса пересекаются: и тот, и другой полагают, что диалог, в котором прекращается понимание и производство значений, превращается в псевдокоммуникацию.

Ироническая установка, конечно, дает возможность раскрытия личностного («приватного»), но может ли она быть отправным пунктом социальной коммуникации («публичного») и основой солидарности? Когда словарей бесконечное множество, а языковая игра превращается в самоцель, возможно ли вообще общество, а не просто общность? Видимо, да, поскольку ирония прагматична: в ходе дискуссии она *создает* убеждение и истину, а не *открывает* их, и именно поэтому ирония возможна как реальная стратегия изменения социальной практики.

В концепциях Хабермаса и Рорти социальность выступает как возможность достижения взаимопонимания и солидарности, процесс постоянного производства смыслов, тогда коммуникация – базовая процедура социальных действий, Коммуникация выступает основой организации социального порядка и внутренней тенденцией общественного развития. Т.е. коммуникация – условие и способ социального существования и трансформации. При этом на первый план социальной практики выходят жизненные смыслы и повседневный опыт, что предполагает публичность каждого человека.

Таким образом, для Хабермаса и Рорти основой социума и социальной теории выступает «свободная от господства коммуникация», предполагающая множественность картин мира (словарей), что приводит к необходимости и возможности социальной модернизации. Технологию же модернизационных общественных трансформаций Хабермас видит в рационализации культуры, «усовершенствовании» классической рациональности до коммуникативной, смещении акцента с субъективности на интересубъективность, а Рорти – в поэтизации культуры, использовании иронии как тактики и стратегии «приватного» и «публичного» существования.